

БРИТАНСКИЙ ТАНКИСТ ДЖЕЙМС ПАЛМЕР РАССКАЗЫВАЕТ О СЛУЖБЕ В ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСКАХ В ИРАКЕ И СИРИИ

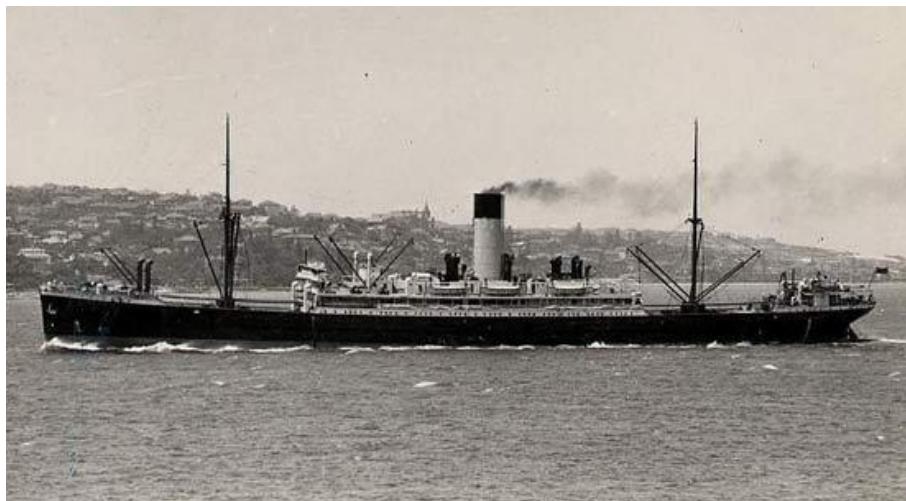
В 1940-1942 годах британский танкист Джеймс Палмер успел принять участие в боевых действиях во [Франции](#), [Северной Африке](#) и [Бирме](#). Теперь ему предстояла служба в оккупационных частях британских войск в Ираке и Сирии...

Ближе к концу октября [1942 года] мы получили приказ следовать с нашими новыми танками *Шерман/Sherman* в Бомбей для отправки за моря. Я вспомнил старую песню танкистов, которую они пели в прошлые годы, находясь [в учебном центре] в Уорминстере/Warminster: «Транспортвойской покидал Бомбей, уходил к английским берегам.» На этот раз, однако, мы отправлялись не в [старую добрую] Англию (*Blighty – BK*). Мне выдали новые карты, которые я должен был раздать людям, и, к большому моему удивлению, я узнал, что мы отправляемся в Ирак и Палестину.

В Северной Африке дела шли неплохо. Немцев остановили под Эль-Аламейном ([1](#), [2](#)), так что я думал, что мы снова попадем в пустыню, и мне определенно не нравилась перспектива оказаться в Ираке. Означало ли это, что *Второй фронт* будет открыт на Балканах? В Ираке не происходило ничего, внушающего тревогу. [Рашид Али предпринял попытку переворота в мае 1941 года](#), но его усилия, направленные на поддержку Оси, не привели ни к чему. Если события в пустыне были подходили к критической точке, я, лично, совершенно не чувствовал дискомфорта, размышляя о том, что не приму в них участия. Те ранние дни войны под фортом [Капуццо/Fort Capuzzo](#), [Сиди Сулейманом/Sidi Suleiman](#) и [Сиди Омаром/Sidi Omar](#) все еще были свежи в памяти... Когда до нас дошли новости о [победе под Эль-Аламейном](#), я вздохнул с облегчением. Мне стало легче на душе, потому что мне не пришлось участвовать в разгроме панцеров. Хоть и странно об этом говорить, но я испытывал симпатию к немецким танкистам...

Мир полон чудес, и вы можете себе представить, как я был удивлен, когда узнал, что мы отправляемся в Басру на судне *Ascanius*. Это было то самое судно, на котором мы прибыли в Рангун в феврале 1942 года. Моряки рассказали нам, что успели выбраться из гавани непосредственно перед тем, как мы взорвали портовые сооружения. С той поры они базировались на Цейлоне.

Военный транспорт Ascanius. 30 июля 1944 года он был торпедирован немецкой подводной лодкой U-621 к югу от Портсмута, но остался на плаву и дошел до причала (https://birtwistlewiki.com.au/wiki/HMAT_A11_Ascanius)

В последние дни октября мы шли по Персидскому заливу в направлении Басры, и тут начался новый этап наших странствий. Американцы высадились в Тунисе, немцы отступали в западную Ливию. В Сталинграде потерпела крах операция *Барбаросса*, и русские перешли в контрнаступление. Немцам, по-всякому, приходилось тяжко.

Мы приближались к порту Басры через дельту Тигра и Евфрата, в долину Шат-эль-Араба. Перед нами были заросли пальмовых деревьев, покрывавшие зеленые берега. Я вполне мог себе представить, что здесь когда-то находились библейский Сад Эдема. Река была забита лодками *day/dhow* (небольшие арабские парусники – ВК) и десятками других маленьких лодок, имевших форму надувных плотов и болтавшихся на воде без особых целей. Позднее мы узнали, что они носят название *гумма/gumma*. Вдоль берегов стояли тростниковые хижины, рядом с которыми в большом количестве паслись козы. Ярко светило солнце, с моря дул прохладный бриз. Все это выглядело весьма приятно, но это было всего лишь иллюзией. Это был не настоящий Ирак.

Сойдя на берег, мы перебрались в лагерь, расположенный близ Шаибы/Shaibah. Потом мы поняли, зеленая растительность не уходит далеко вглубь страны. В пяти милях от реки мы въехали в негостеприимную пустыню. Плодородные земли находились близ речных русел или ирригационных каналов, которые ответвлялись от них. Ирак полагался на вырытые людскими руками для орошения земли каналы на протяжении тысяч лет. Осадков здесь выпадает очень мало, а те, что есть, уносятся реками еще до того, как от них успевают принести какую-либо пользу. Древние водяные колеса толкали воду в сторону от рек по узким канавам на поля. Некоторые из них были огромными и представляли из себя источник жизни для фермеров с библейских времен. Сельское хозяйство здесь было очень примитивным: быки врашали жернова мельниц и так проводили всю свою жизнь, ходя по кругу. Этот образ жизни [местных жителей] оставался неизменным тысячи лет. Было очень жарко, сухо и пыльно, хотя считалось, что в это время года должно быть довольно прохладно. Деревни были небольшими и состояли из домов, построенных из тростника. В них проживали в больших количествах изможденные собаки и козы. Домашний скот был худосочным и выглядел оголодавшим.

Поселившись в нашем лагере в Шаибе, мы начали интересоваться тем, за каким чертом нас занесло в эту дыру. Войны здесь не было, так что мы гадали, какой будет наша роль. Через какое-то время мы поняли, что представляем из себя в той или иной степени силы безопасности. Мы были здесь для того, чтобы демонстрировать наш мощный боевой потенциал. В свое время имелись опасения, что немцы могут прорваться через Кавказ к нефтяным месторождениям северного Ирака. Этот страх более или менее улетучился тогда, когда их наступление на русских провалилось в особенности благодаря той доблести, которую русские проявили в боях за Сталинград. У нас было такое чувство, что приближается зима, и вскоре немцы покатятся назад, как Наполеон в 1812-м.

Через несколько недель мы приступили к организации боевой подготовки к быстрой поездке по Ираку для демонстрации моци нашей бронетехники. Сначала мы отправились на север, и, хотя наш лагерь оставался в Шаибе, близ Багдада, мы проводили большую часть нашего времени в пустыне, путешествуя на восток, запад и на север. Мы вели пустынный образ жизни, каждую ночь разбивали новый лагерь и провели много недель к югу от Багдада. Каждый день мы отправлялись в путь в составе конвоев и небольших бронетанковых частей, путешествуя от деревни к деревне в центральном Ираке. Заезжали мы и туда, где сохранились руины древних городов, таких как Арка Ктесифона (Arch of Ctesiphon, современное название - Таки-Кисра/Taq Kasra) и Вавилон. Я был глубоко разочарован видом последнего! Руины города Ниневия/Ninive и водяные колеса *Нории*

Хамы (англ. - *Norias of Hama*) произвели на меня значительно большее впечатление. Города Самава/Samawah и Габбания/Habbania оказались совсем неинтересными.

Британская автоколонна неподалеку от Багдада, 1943

https://en.wikipedia.org/wiki/Iraqforce#/media/File:PikiWiki_Israel_4214_Israel_Defense_Foreces.jpg

Мы стали практиковать использование технического новшества – трейлеров для перевозки танков. На ранней стадии боевых действий в Африке мы обнаружили, что, если мы выдвигаемся далеко в пустыню, танки или изнашиваются, или приходят в неисправность до того, как мы выходим на боевой рубеж. Теперь танки грузили на огромные низкие прицепы и увозили на многие мили к месту боя. Быстрое перемещение бронетехники и избавление от проблемы ее скоротечного износа стало огромным преимуществом и добавило нам мобильности и ударной мощи.

Вернувшись на место постоянной дислокации, мы столкнулись с необходимостью готовиться к холодной зиме. Для проживания мы нуждались в чем-то лучшем, чем палатки. В это время года в той местности господствовали очень сильные ветра, и, когда шел дождь, он лил как из ведра, заливая водой все вокруг. Мы вырыли себе блиндажи глубиной около пяти футов и поставили над ними палатки. Это сильно добавило нам жизненного пространства! Мы даже сложили печки с трубами из камней и обожженной глины. Топить их мы могли только кустарником и верблюжьим навозом.

В ноябре и декабре было очень холодно, и нам пришлось влажить довольно жалкое существование. Каждую пятницу мы были вынуждены очищать лагерь от бродячих собак. Они приходили из пустыни в поисках пропитания. Их было великое множество, этих лохматых пустынных собак, так что нам пришлось послать группы людей на отстрел максимально возможного их числа. Через неделю их снова было столько же, сколько до недавнего отстрела. Мы понять не могли, откуда они берутся... С уничтожением собак была одна проблема. У нас был собственный пес по кличке *Басти/Busty*. Его подобрал один из танковых экипажей, и он больше не уходил от них. Даже когда мы выезжали на учения, он сидел на броне в передней части танка, под пушкой, и лаял, лаял и лаял. Он никогда не уходил со своего поста, постоянно охраняя этот танк. Каждый четверг, вечером, его отвозили из лагеря в Багдад, где оставляли на попечение одной из дам в одном кафе на Ривер Страт. По пятницам, вечером, его забирали и привозили домой после того, как заканчивалась очередной отстрел.

Багдад был людным местом с его мостом через Тигр и забитым людьми базаром. В чем-то он напоминал мне Каир со своим шумом и суетой, своими запахами, бесконечными

жаровнями на угле и ароматом специй и благовоний. Базар соответствовал моим ожиданиям в плане того, что ждать от Востока. Там были орды попрошаек и хромых нищих. Там были ювелиры, работавшие с серебром, и лавки, в которых торговали шелком. Там продавали огромное количество резных изделий из дерева, и, само собой, там везде и всюду были порядком надоевшие верблюды и ослы. Там были открытые кафе, где сидели арабы, попивая чай с анисом и покуривая кальян. После полудня все закрывалось, и все торговцы шли спать, точно, как в Каире.

В мае 1943-го мы снова снялись с места, отправившись в Палестину. Северная Африка была зачищена от войск Оси, но мы по-прежнему не могли понять, что ожидает нас в будущем. Прошло 10 месяцев, как мы не были в бою, но чувствовали, что такая удача вот-вот покинет нас. Наверху для нас должны были запланировать что-то неприятное! Возможно, мы должны были стать частью *Второго фронта*, создания которого в подбрасывающие Европы ждали все. Где это должно было случиться: во Французской Ривьере, Италии или Греции?

Мы отправились в Палестину через пустыню, на юго-запад, следуя древнему караванному пути, идущему по Иорданской долине и через Иудейские горы. Это было кошмарное путешествие, для которого было выбрано неправильное время года. Солнечные лучи обжигали нас, отражаясь от камней, и впервые в моей жизни я испытал тепловой удар. Ситуация была настолько угрожающей, что по всем пустынным дорогам пришлось создавать специальные пункты, где людей выхаживали после солнечных ударов. Число пострадавших было колоссальным. День за днем мы продвигались на запад, потом по Иорданской долине, пока не вышли к мосту Элленби/Allenby Bridge. Здесь мы переправились через реку сразу к северу от Мертвого моря и продолжили марш на Иерусалим. Оттуда мы направились на север, прошли мимо Елеонской горы в направлении Галилеи и Назарета. Когда наш путь лежал вдоль берегов Галилейского озера мимо Вифлеема, я увидел крутые и обрывистые горные склоны, и моя память стала возвращать меня к зарождению христианства и библейским историям...

Мы шли маршем через Палестину с севера на юг более месяца. Слева были горы, справа – Иорданская долина. Затем мы вступили в восточную часть Сирии, в долину Бекаа. Бекаа – это огромная равнина, с запада ограниченная сирийскими горами и зарослями ливанского кедра. Жаркое, пыльное место, тусклое и пустынное. Мы разбили лагерь с видом на римские развалины Баальбека. Там мыостояли несколько недель, ничего не делая. С севера дули ветры, и мы жили в условиях, казалось, непрерывной песчаной бури. Это было что-то похожее на ветер Хамсин в [североафриканской] пустыне. Я могу сравнить это только со струей горячего воздуха, которая вырывается из печи, когда ты открываешь ее дверцу.

Становилось все жарче и жарче, и все, что нам оставалось, это жариться на солнце и слушать версии наших офицеров происходившего на войне, включая детальное описание сражения под Эль-Аламейном. Делать нам было нечего. Мы чувствовали себя так, словно нас оставили там гнить, как кучку бесполезных бедуинов. Прошло какое-то время, и мы стали выходить на полевые занятия по чтению карт в расположенные к западу от нас горы. Как-то раз, хорошо прожарившись на солнце на равнинной местности, мы ушли в горы на большее расстояние, чем раньше, и добрались до зарослей ливанского кедра. К нашем удивлению, мы обнаружили в верхних частях склонов снежный покров толщиной в три дюйма! Колонна остановилась, и мы устроили массовую перестрелку снежками.

Через несколько недель мы отправились на север, в направлении Алеппо. Нашей задачей была расстановка макетов танков близ холмов у турецкой границы. Танковые макеты успешно использовались к югу от Эль-Аламейна, где с их помощью удавалось сбивать с толку пилотов [вражеских] самолетов-разведчиков. Это были трехтонные грузовики с картонными надстройками и фальшивыми пушками, торчавшими спереди. С высоты в

несколько тысяч футов их было легко принять за настоящую бронетехнику. Мы должны были расставлять эти фальшивые танки по парковкам, таким образом создавая представление о большой концентрации бронетанковых частей на севере Сирии. Я не знаю, чего мы надеялись добиться с помощью этих трюков. Возможно, это нужно было, чтобы выиграть время, пока шла подготовка к вторжению в Европу, а может это была дезинформационная тактика, в то время как шло [вторжение на Сицилию](#), - ведь дело было в июле [1943-го].

Как-то раз, когда мы были заняты расстановкой этих фальшивых машин, над нами появился неизвестный самолет. Он сделал несколько кругов и потом сбросил однажды единственную бомбу. Мы увидели, как эта бомба медленно падает на землю, залегли под камнями и кустарником и стали ждать взрыва. Все просто застыли в ожидании: не забывайте, что в тот момент мы впервые оказались под огнем почти за целый год. Задержав дыхание, мы ждали и ждали, но ничего так и не произошло. К тому моменту, когда мы выбрались из укрытий, самолет уже исчез. Мы ожидали увидеть неразорвавшуюся бомбу посреди нашей парковки, и точно: там она и оказалась, рядом с комом верблюжьих колючек.

Троих парней послали посмотреть на нее вблизи. Они поползли туда с предосторожностями, ярд за ярдом. Остальным приказали переместить парковку, поскольку бомбу должны были подорвать выстрелом из винтовки с 200 ярдов. Те трое парней добрались до нее, и через несколько все они поднялись на ноги, закурили сигареты и уселись на нее. Мы не могли поверить своим глазам и подумали, что у них крыша поехала. Мы стали кричать им, чтобы они вернулись, пока эта штука не взлетела на воздух, но они сидели и смеялись, а потом прокричали в ответ: «Эта бомба сделана из дерева!» Деревянные бомбы и фальшивые танки, просто смех один! Мы так никогда и не узнали, откуда она взялась, была она немецкой или турецкой...

Во время полевых занятий в горах к югу от Алеппо наш офицер приказал нам остановиться, после чего сказал нам собраться вокруг него, чтобы он мог показать нам наше местоположение на карте: «Вот тут турецкая граница, ни при каких обстоятельствах мы не должны пересекать эту линию невысоких деревьев. Турция – нейтральная страна, и любое нарушение ее нейтралитета вызовет серьезные последствия.» Мы столпились вокруг разложенной на земле карты, пока он объяснял нам что и как. Неожиданно раздался рев моторов, и четыре турецких бронеавтомобиля подкатили к нам и окружили нас. Мы не могли понять, почему и что они кричат, но сомнений в том, что они были настроены серьезно, наведя на нас свое оружие, у нас не было. К нам медленно подошел турецкий офицер, помахивая тяжелым револьвером. На ломаном английском он проинформировал нас о том, что по другую сторону от невысоких деревьев находится не Турция, а Сирия. Мы оказались не на той стороне от границы! Мы посмеялись над тем, как наш офицер в явном смущении попытался объяснить свою ошибку, указывая на карту. Потом все утряслось, турецкие солдаты спрыгнули со своих машин и опустили свое оружие. Мы расселись, вскипятили чай и обменялись с ними сигаретами. День был слишком хорош для того, чтобы ссориться, а этот инцидент его даже украсил.

Я должен рассказать вам про Алеппо и крепость на холме. Это очень древний город, грязный и переполненный людьми с большим, чем положено, количеством попрошайек и бродяг, но базар и рынок производили грандиозное впечатление. Рынок был вкопан в склон холма, прямо под древний замок. Входя в тоннель, ты попадаешь в пещеру Алладина, украшенную с восточной роскошью. Красивейший шелк, свисающий сверху, украшения и утварь из меди, лампы Алладина, стоящие рядами, мечи, кинжалы, охотничье оружие, все это с пышной резьбой и эмалью, выставленные сотнями, великолепно раскрашенные чаши, вазы и кувшины. Шали и ковры с великолепным рисунком, сложенные в большие кучи вместе с меховыми накидками и шубами. Серебряные безделушки, тарелки и чаши в стопках на грубо отесанных деревянных столах. Шелковые одеяния и халаты всех цветов

радуги висели повсюду, словно экзотические цветы. Воздух был заполнен благовониями, запах которых смешивался с запахом фруктов, насыпанных в кучи словно из рога изобилия. Экзотические ароматные духи стояли рядами в красивых кувшинах. Это был настоящий рынок из *Тысячи и Одной Ночи!* Там можно было оставаться часами, впитывая дух этой древней колыбели человечества. Я купил старую книгу *Рубаи Омара Хайяма* и до сих пор с удовольствием читаю этот поэтический шедевр.

Британский медик оказывает помощь сирийскому ребенку. В то время в Сирии трахома глаз была большой проблемой

<https://www.alamy.com/stock-photo-1943-syria-british-military-officer-treats-kurdish-people-along-the-177336526.html>

В августе мы свернули наш лагерь близ Алеппо и отправились в горы к западу от Ливана. Нашим пунктом назначения была Сленфа/*Slenfa* или *Slinfah* (ВК). Там мы должны были пройти курс подрывного и минно-саперного дела и подготовку к ведению боевых действий в горах. Мы устанавливали заслоны на дорогах из больших бочек для нефти, а потом подрывали их. Мы также учились делать взрывные ловушки, охотиться на мины, неравномерно уложенные на дорогах, их обочинах и мостах. Мы проводили по много дней в горах, имея с собой пищевые рационы лишь на несколько дней, потом нас бросали там, и мы должны были выбираться в лагерь сами. Иногда мы блуждали по нескольку дней, но никто о нас не беспокоился. Если бы мы забрели слишком далеко на запад, то могли попасть в окрестности Бейрута при том условии, что не попались бы под руку черным гадюкам, обитавшим в горах.

Наш лагерь находился на небольшом ровном участке посреди зарослей кедра и сосны. Это было приятное место, в его центре стояли наши палатки, а по периметру – наши машины. Ночью мы разводили здоровенный костер и сидели вокруг него часами, попивая дешевое вино и закусывая орехами и изюмом. На кухне всегда водилась колбаса сверх нормы, так что мы еще делали для посиделок сэндвичи, которые запекали на самодельном очаге.

Сидя вокруг костра в окружении темных зарослей, мы часто видели яркие маленькие глаза где-то в кустах. Это были небольшие сирийские медведи, которые в высоту достигали примерно трех футов. Когда мы расходились по палаткам, то видели, как они шастают близ кострища и подбирают корки хлеба и все съедобное. Это было приятное время,

беспокоиться было не о чем, но у всех было такое чувство, что это не будет длиться вечно...

Мы покинули Сленф, уехав на запад, на побережье, через Сирийские горы и заросли ливанских кедров. Хотя мы провели в горах более месяца, мы ни разу не пересекали их до западных склонов. Горные дороги отличались крутыми подъемами и спусками, были извилистыми, проходили по узким каньонам и долинам. Чтобы подняться на 50 футов, нам часто приходилось покрывать 5 миль, разворачиваясь и делая зигзаги по горным склонам. Нашим танкам приходилось тяжело, но мы тогда не понимали, что это была хорошая подготовка к тому, что ждало нас впереди. Часто наша колонна останавливалась, потому что одна из машин не могла пройти крутой разворот дороги. Потом нам приходилось затрачивать часы, продираясь через эти углы, там, где бровки обрывов находились лишь в нескольких дюймах от колес. Иногда дороги были такими узкими, что нам приходилось рубить деревья или двигать большие камни, чтобы расчистить себе путь...

Мы видели множество построенных крестоносцами замков высоко в горах. По большей части, они уже превратились в развалины, но в них все еще жили горцы. Мы часто просили этих жителей гор показать нам дорогу. Они отлично знали местность, но иногда заводили нас туда, где по узким дорогам не могли пройти танки, и нам приходилось тратить многие часы, чтобы выбраться оттуда. По ночам мы устраивали себе бивуаки в стороне от дорог. Нас не волновало то, сколько времени мы еще проведем в горах. По ночам не было холодно, а вокруг нас вечно крутились эти маленькие сирийские медведи, которые забавляли нас.

Наконец мы вышли на перевал. Оттуда мы могли видеть голубые воды Средиземного моря. Это был великолепный вид с солнцем, освещавшим зеленую прибрежную равнину. Спуск с гор был быстрым и приятным. Скалистые залесенные горы начали сменяться растущими на террасах виноградниками. Виноград рос повсеместно, даже узкая дорога ограничивалась им с обеих сторон. Мы срывали целые гроздья и поедали его на каждой остановке. В небольших деревнях нам давали сладкое вино, вкусное как нектар.

Вдали мы видели наш пункт назначения – небольшой прибрежный городок Сидон, расположенный в нескольких милях к югу от Бейрута. По прибытии мы разбили лагерь на поле, которое полого спускалось к морю. Здесь росла густая зеленая трава, а оливковые рощи давали тень. Погода была великолепной, солнечной и теплой. Следующие четыре или пять недель были лучшим временем из того, что мы провели на военной службе вдали от дома.

Странное дело, но нам выдали спецрационы, и то, что нам готовили повара, было выше всяких похвал. Баранина, зеленый горошек и сладкий картофель, консервированные фрукты, даже заварной крем. Мы жили по-царски и не могли понять, чем мы это заслужили. Наши повара, казалось, превзошли сами себя и как-то даже испекли пирожные с кремом.

Бейрут находился в 15 милях к северу от нас. Каждый день, после нескольких часов общего техобслуживания танков, мы получали увольнительную в город на вторую половину дня. Некоторые предпочитали после полудня загорать на пляже, уезжая в Бейрут уже после ужина. Для этого всегда имелись грузовики, которые привозили нас лагерь после 11 вечера. Это было прекрасное время. Бейрут был полным очарования чистым, ухоженным городом с чудесными садами и современными зданиями. Здесь была просторная гавань, по берегам обсаженная пальмами. Там находились база подводных лодок и превосходный военно-морской клуб с собственным бассейном. Вход туда для нас был открыт всегда. Кафе на открытом воздухе были полны людей, обслуживание было превосходным, еда хорошей и недорогой. Рынок в тыльной части города был суматошным и колоритным местом. Больше нигде я не видел такого изобилия вкуснейших свежих фруктов. Я провел

много часов в этой **Жемчужине Средиземноморья** и всегда вспоминаю об этом с удовольствием.

Но все хорошее когда-нибудь кончается. Не помню, было это в конце августа или в начале сентября, когда мы отправились обратно в Палестину по приморской дороге. Путешествие было расслабляющим и приятным. Казалось, никто никуда не торопился. Мы знали, что нас отправят обратно в Египет, но думали, что это может быть промежуточной остановкой на пути в Англию. Мы очень надеялись, что отправляемся домой.

Вдоль приморского шоссе росли апельсиновые рощи и было много ухоженных полей с ирригационными каналами, приносившими жизнь в пустыню. Воздух был наполнен ароматом апельсинов, бриз мягко покачивал пальмовые листья. Если мы собирали апельсины сами, целый мешок стоил всего шиллинг (2.9 британских фунта в 2023 году – ВК). Определенно, это была страна молока и меда! Мы проехали через Тель-Авив и Хайфу по дороге в Египет. Добравшись до Порт-Саида, с его тусклыми, пыльными и наводящими тоску складами и причалами, мы вспомнили старое бедуинское изречение: «Тот, кто пил воду из Нила, вернется на его берега.» В нашем случае это оказалось правдой.

В июле-августе 1943 года союзники захватили Сицилию, и вторжение в Европу должно было вот-вот случиться. По нашему мнению, для нас имелись две альтернативы: отправляться в Италию или в Англию, чтобы принять участие во вторжении в континентальную Европу. Мне ни одна из них не была по душе, но мы все понимали, что благословенные времена, которые выпали на нашу долю в последние недели, подошли к концу. Время игры в солдатики кончилось... Из Порт-Саида мы переместились в зону Суэцкого канала, чтобы ждать распоряжений и решения, касающегося нашей дальнейшей судьбы. Наш лагерь был рядом с Исмаилией/Ismailia, и мы погрузились в рутинную лагерную жизнь еще на несколько месяцев, просто ожидая приказа отправляться в путь.

Союзники вторглись в Италию с носка ее сапожка, а мы все размышляли о том, что нас придерживают до того момента, пока не определится место вторжения в Европу, в котором мы будем принимать участие. Мы были уверены в том, что нас пошлют обратно в Англию, чтобы там погрузить на корабли, которые вскоре пересекут Ла-Манш. Мы даже потренировались в гидроизоляции наших танков для десантирования на пляжи с транспортов и барж. Все покорились судьбе и с тревогой взглядывались в будущее. Пока судьба была к нам более чем благосклонна. В какой-то мере, у нас был превосходный опыт, но было бы слишком опрометчиво ожидать, что когда мы в следующий раз пойдем в бой, то все мы снова останемся целыми и невредимыми (*we would all come out Scott free*)...

Вторжение в Италию шло неплохо для союзников. В ноябре итальянцы запросили мира, но немцам это было ни к чему, и они заняли оборону в континентальной Италии. В марте 1944 года нам сообщили, что для нас нет места в планах по вторжению в Европу. Нам предстояло отправляться в Италию, чтобы снова вступить в бой против германской армии. Помню, в то время я подумал о том, что кампания в Италии представляет из себя меньшее из двух зол. Я без энтузиазма относился к возможности принять участие в боях на береговых плацдармах французского побережья.

Мы отплыли в Таранто, и на входе в его гавань увидели остатки итальянского флота, корабли которого были разбросаны по своим кладбищам на морском дне. Самая трудная из наших военных кампаний должна была вот-вот начаться.

По книге

James Palmer. *The Militia Boy*. 2018

Сокращенный перевод и обработка – Владимир Крупник

Часть 1 – Франция, 1940

Часть 2 – Северная Африка

Часть 3 – Бирма, 1942

Часть 4 – Италия и Германия, 1944-45

Возрат к главной странице www.warsstory.org